

ТРУБАЧЕВ О. Н.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН. VI *

Дальнейшие германо-славянские аналогии
и название железа

В последнее время много пишут о культуре металлов и о названиях металлов. Наше внимание привлекают названия железа в силу важности самого железа как металла и железного века, который, раз воцарившись в I тыс. до н. э., до сих пор в сущности продолжается и определяет культурную жизнь наших народов (о том, какой важной — датирующей — балто-славянской контактной инновацией является именно название железа, уже было упомянуто выше, о самом материале названий нам еще придется говорить).

Оказывается, что германцы сначала знали только бурый болотный железняк, откуда объясняется раннее германское название железа, хорошо засвидетельствованное в фин. *rauta* «железо» (древнее заимствование из германского), далее — в др.-исл. *raudí* «железо», «болотный железняк, руда, Raseneisenerz. Erz» [42], буквально «красное», ср. др.-исл. *rauda* «красный», нем. *rot*, англ. *red*.

В принципе так же шли дела у славян. Еще в молодости, при чтении книги Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», мне запомнилось указание, что славяне, Древняя Русь, не зная еще открытых позднее горно-рудных месторождений и не завися даже от привозных источников сырья, начиная со скифской эпохи добывали железо в том виде, в котором оно встречалось буквально под ногами в лесной, лесостепной, болотной местности — в виде болотного железняка [43, с. 38, 123—124]. Этот источник добычи сохранял промышленное значение до XVIII в., но потом забылся, уступив место разработке горно-рудных месторождений. Однако следует помнить, что наша древнейшая терминология железа, включая название самого металла, порождена эпохой болотного железняка, потому что, забыв об этом, мы повторим ошибку историков, которые настаивают на привозных¹ источниках сырья ввиду удаленности месторождений ископаемых железных руд (впрочем, как удостоверяют археологи, криворожские железорудные залежи разрабатывались уже в скифское время). Но, как верно сказал Б. А. Рыбаков по этому поводу, «подход к древнему производству с мерками современной нам крупной промышленности не может дать точных результатов [43, с. 38].

Дальше требуется этимологический комментарий. Наше слово *руда*, слав. **ruda* формально и семантически было первоначально прилагательным женского рода со значением «красная, бурая, рыжая»; принадлежность к женскому роду была обусловлена употреблением в составе устойчивого словосочетания — праслав. **ruda zemja* «красная, бурая земля» — о буром железняке. Эта исходная адъективность формы и функции **ruda* поддается проверке на примере близкого, но самостоятельного субстантивированного употребления русск. диалектн. *руда* «кровь», на табуистический характер которого обратил внимание Фасмер. Последнее (название крови) тоже, видимо, восходит к особому двучлену **ruda voda* «красная вода» (иносказательно о крови). Таким образом, применительно к древней металлургии наших предков праслав. **ruda* обозначало бурую

* «Языкознание и этногенез славян. V» см. ВЯ, 1985, № 4 (там же — сведения о предыдущих статьях серии).

земляную породу, иначе — болотный железняк, из которого добывалось железо. До сих пор, например, в.-луж. *ruda* значит не только «руда», но и «железняк, бурая земля», н.-луж. *ruda* — «болотный (или луговой) железняк; руда из болотного железняка; сырая, бурая железистая земля», а *Ruda* в качестве местного названия обозначает дуг с болотным железняком [44]. Вообще у славян, в частности, восточных славян, немало местных и водных названий *Ruda*. *Pyda* того же происхождения. Ясно, что слово **ruda*, *pyda* изначально относилось только к железистой, железистой земле и к другим металлам, особенно к меди, не имело первоначально никакого отношения. «Интересно отметить, что главная масса болотных железных руд залегает именно там, где отсутствует медная руда» [43, с. 38].

В данном случае проявился независимый, но очень яркий и близкий германо-славянский параллелизм, причем — как в культурном плане (древние славяне, как и древние германцы, имели дело первоначально с железом из болотного железняка), так и в плане сходной языковой инновации, лексико-семантического новообразования: и.-е. **roudh-* «красный» именно в языках древних германцев и древних славян было употреблено как обозначение болотной железной руды, болотного железняка.

Неприемлемо поэтому толкование русск. *pyda*, праслав. **ruda* как заимствования из шумер. *urudu* «медь». Это старое и случайное сближение вызывало сомнения в общем всегда, что со стороны фонетической формы убедительно показал еще Брюкнер: «Ошибочно выводят название *rudy* „рыжий“ из шумерского *urudu* „медь“; гласные этого корня *rūd-*, *reud-*, *roud-* доказывают его принадлежность к арийской (индоевропейской. — Т. О.) общности, а *urudu* случайно звучит похоже» [45]. Несмотря на давний интерес к шумер. *urudu*, фигурировавшему в перечнях ближневосточно-индоевропейских лексических сходжений, следует признать, что здесь все-таки преобладали слишком беглые взгляды и кривотолки (заимствовано как культурное слово из шумерского в индоевропейские языки или наоборот — из индоевропейского в шумерский [см. 46, 47]). Кроме совершенно недвусмысленных лингвистических показаний в пользу исконности происхождения русск. *pyda*, праслав. **ruda*, которое можно считать вполне удовлетворительно объясненным словом, против сближения **ruda* — *urudu* говорит семантическая эволюция праславянского слова, весь культурный фон. Очевидно, что праслав. **ruda* «болотный железняк, бурая железистая земляная порода» и шумер. *urudu* «медь» не имеют ничего общего между собой. Номенклатура железа, железной руды, с одной стороны, и меди — с другой стороны, явно гетерогенны, как гетерогенны и разноместны месторождения болотного железа и медной руды (о чем — выше). Нельзя считать удачными поэтому новые попытки возродить толкование русск. *pyda*, слав. **ruda* из шумер. *urudu* [см. 13, с. 111; 48, с. 22], тем более, что авторы этой новой попытки не добавили никаких новых конкретных лингвистических аргументов в пользу старого формального сближения и — что вызывает особенное сожаление — не уделили внимания резервам внутриславянского и индоевропейского объяснения слав. **ruda* и родственных слов, о которых мы рассказали несколько подробнее выше.

Очерченный кратко эпизод германо-славянского культурно-языкового параллелизма в использовании болотного железняка и применения к этому виду железной руды местного продолжения индоевропейского обозначения красного цвета не затухает, однако, самобытных, различных путей дальнейшего формирования лексики железа у германцев и у славян. Здесь мы, действительно, имеем возможность говорить о свободной германо-славянской аналогии. Положение усложнилось тем, что в игру вступил третий мощный этнос, повлиявший как на германцев, так и на славян именно в области культуры железа. Как раз на эту эпоху приходится расцвет культуры, которая, будучи этнически кельтской, получила название гальштатской по месту находки Hallstatt в альпийской части Австрии, неподалеку от Зальцбурга. Эти районы были ареной восточной экспансии кельтов, охватившей затем территориально близкие

Норик¹, Паннонию, Среднее Подунавье, т. е. древний праславянский ареал, о чем с разных сторон мы уже говорили. Похоже, что праславяне, придя в движение под воздействием этой кельтской экспансии, увлекли кельтов за собой в Южную Польшу, на Вислу, и даже дальше на северо-восток, в Среднее Поднепровье, ср. отмечавшееся археологами наличие предположительно кельтских предметов гальштатской культуры в Поднестровье (ср. в общем там же, кстати, и кельтский топоним *Карробоуон* ~ *Каменец-Подольский*), а также предметов латенской культуры в составе зарубинецкой археологической культуры Среднего Поднепровья.

Для германцев кельты также были в течение длительного времени мощным культурным соседом с юга. Это привело к ряду важных культурно-языковых заимствований, которые практически всегда шли в одном направлении: с кельтского Юга на германский Север. И германская терминология железа подпала под кельтское влияние: название металла железом германцы заимствовали у кельтов — нем. *Eisen*, англ. *iron*. Славяне также многим обязаны культуре кельтов; опуская здесь прочие свидетельства разностороннего влияния кельтской культуры на славян (см. о них отчасти в ранее опубликованных статьях данной серии), упомянем о деятельности кельтов как прекрасных металлургов своего времени. Существует даже мнение, что распространение знакомства с железом, добытым из болотного, лугового железняка, — дело рук кельтов [49]. Следы железоделательного промысла кельтов находят и в Южной Польше, в непосредственной близости от современного металлургического комбината Новая Гута им. В. И. Ленина. Однако, в отличие от германцев, славяне не переняли название этого металла у кельтов, а образовали свое собственное, из исконнославянских элементов: праслав. **želězo*, русск. *железо* и т. д. (близкие формы во всех славянских языках).

Этимология славянского названия железа, которой посвящено наше дальнейшее изложение, прекрасно укладывается в эпизод культуры болотного железняка и стоит того, чтобы на ней остановиться особо. До самого недавнего времени выходят публикации со все новыми гипотезами о происхождении слав. **želězo*, тогда как давно уже имеется возможность в этом вопросе резко сократить число вероятных решений и остановиться на одном из них как единственно отвечающем требованиям языкознания и истории культуры.

Славянское название железа входит в число старых, праславянских названий семи основных металлов (золото, серебро, железо, медь, свинец, олово, ртуть), которые были известны праславянам [50]. Все индоевропейские названия металлов исключительно ареальны, и, если, например, посмотреть на них из славянской перспективы, то родственные соответствия охватывают в лучшем случае три-четыре древних диалектных группы. Наиболее распространенными при этом оказываются соответствия славянскому названию золота — в германском, диалектно — в восточнобалтийском (латышском) и, по-видимому, во фракийском, что, возможно, позволяет усмотреть территориальную близость к древнему центру добычи золота в Трансильвании. Близкие формы названия серебра объединяют славянский, балтийский и германский (несколько напоминающая отношения названий золота), но это отношения не родства, а древнего заимствования.

Так, восточнобалтийские названия серебра восходят к архетипу **sudrab-/sidabr-*, германские — к **silubr-/silabr-* и славянские — к **sirabr-*, представляя собой разные (самостоятельные) преобразования некоего исходного, вероятно, индоарийского, **sub(h)ri apa* «светлая вода», с проведенной уже сатэмизацией и предположительной локализацией в Предкавказье, на Кубани, важном перевалочном центре при импортировании серебра с Востока на Запад, в Северное Причерноморье и Центрально-Восточную Европу. Результаты исследования на эту тему были опубликованы мной несколько лет тому назад, см. [31, с. 95 и сл.]. Эта

¹ Здесь было сосредоточено производство особого сорта железа — «норикского железа» (*ferrum Noricum* античных авторов), о чем специально — в цитированной нами ранее книге Альфельди о Норике, см. [22, с. 113, 284].

работа осталась неизвестной авторам новейшего опыта о «протоиндоевропейском серебре» [52, с. 1 и сл.], хотя их вывод («...ясно, что серебро распространилось либо из Прикубанья, либо через Прикубанье в Северное Причерноморье...») в сущности дублирует мою мысль «о кубанском происхождении восточноевропейских названий серебра» [51, с. 99]. Говорить о «протоиндоевропейском» названии серебра можно также лишь с оговоркой, что все эти названия региональны, имея, при этом в виду и названия с корнем **arg-* «светлый, блестящий», ср. диалектный характер суффиксальных производных от него: **arġ-ent-o-/*arġ-nt-o-* (индоиран., арм., лат., кельт.), **arg-ur-o-* (греч., иллир.), есть и переходные между ними типы (тохар.). Таким образом, в отличие от золота, серебро импортировалось в Древнюю Европу извне, причем в Северной Европе вплоть до эпохи железа оно вообще отсутствовало (см. [52, с. 9] и карту там же, на с. 1, где районы распространения древнейшего серебра в Европе III—IV тыс. до н. э. находятся в основном на юге от Карпат). Известные диалектные индоевропейские прототипы названий серебра распределяются в остальном на южные (**arġnto-*, **arġuro-*) и восточные (**sibrap-/*subrap-* < индоар., см. выше). Оба древних диалектных прототипа обнаруживают исходное для термина «серебро» значение «светлый, белый».

В заключение excursus о серебре представляется полезным в методологическом отношении напомнить произведенное в моей работе [51, с. 97—98] сопоставление исторической и лингвистической моделей решения проблемы «серебро у славян». Из них первая (и с т о р и ч е с к а я) более близка к горизонту собственно письменной истории, излишне опирается на фактор римской торговли, европейского ювелирного и монетного дела и в итоге не может решить загадку происхождения славянского названия и реалии серебра, ключ к которой лежит не на европейском Западе, а на Востоке (и в гораздо большей древности), что давно предполагала вторая (л и н г в и с т и ч е с к а я) модель проблемы «серебро у славян», хотя до недавнего времени не удавалось конкретизировать этот восточный источник, о котором — у нас, выше.

Встречающиеся иногда высказывания о картвельском (грузинском) происхождении славянского, балтийского и германского названия серебра маловероятны.

Вообще, разумеется, названия металлов — это культурные слова, которые вполне могут служить предметом заимствования, как и сама реальность — металл. Однако подобную возможность нет оснований чрезмерно обобщать, так как это может вести на неверный путь. Ясно, что терминология металлов обладает первостепенным значением при решении не только лингвистических, но и этнолингвистических вопросов. Не случайно, возможно, славянское название железа оказывается общим или близким с соответствующим балтийским названием металла (ср. у нас ранее о потенциальной датирующей способности этого названия в вопросе балто-славянских отношений), а название меди (слав. **měďь*) совершенно различно у балтов и славян, как бы сигнализируя большие различия в языковых переживаниях между теми и другими в соответствующую более древнюю эпоху — эпоху бронзы, при всей, впрочем, недостаточной ясности этимологии славянского названия меди (к диалектн. праслав. **směďь/*sněďь* «желтоватый»? Известная этимология В. И. Абаева, выводящая слав. **měďь* из иранского названия страны *māda-* «Мидия» через греческое посредство, все-таки сомнительна).

В новой книге Вяч. Вс. Иванова «История славянских и балканских названий металлов» читаем: «Балт. **g^helġh-* (лит. *geležis* „железо“, диал. жем. *gelžis*, латыш. *dzelzs* „железо“, прус. *gelso*), как и слав. *g^helġh-*, русск. *железо* и т. п., закономерно соответствует греч. **k^hl̥k-* > *χαλκ-*, что позволяет возвести данное общее заимствование к исключительно раннему времени, когда соответствующие „восточные“ индоевропейские диалекты представляли единое целое. В свете приведенных данных возможной датой заимствования представляется III тыс. до н. э.» [48, с. 99]. Итак, предлагается гипотеза о заимствовании славянского названия желе-

за из слова хаттского (малоазийского неиндоевропейского) языка *ḥapalki* или *ḥawalki* (с вероятным чтением *xaflki*) «железо», откуда таким путем объясняется название меди — греч. χαλκός, микен. греч. ka-ko [48, с. 95, 98]. Автор подробно говорит о структуре хатт. *ḥawalki*, а также о структурно близких древних словах этого языка, но практически не останавливается на лингвистической характеристике интересующих нас славянских и балтийских слов. Впрочем, хаттская словообразовательная характеристика для нас тоже по-своему поучительна. Так, оказывается, что слово *ḥawalki* «железо» — это образование с префиксом *ḥa-*. Далее, интересно узнать, что груз. *rḱina* «железо» и арм. *erhat* «то же», которые, по-видимому, действительно заимствованы на Южном Кавказе из малоазийского хаттского языка, не имеют отражений этого префикса вообще. Напомню, что и в слове *барс*, которое Вяч. Вс. Иванов правдоподобно объясняет как восходящее к хаттскому *ḥa- prašsun*, начальное *ḥa-* тоже не передается при заимствовании. После этого мы можем усомниться в том, что χαλκός является «греческой передачей хатти *xaflk* [48, с. 98].

Если верно, что индоевропейцы были носителями металлургии бронзы и бронза была единственным металлом древних индоевропейцев [48, с. 32], то маловероятно постулировать неиндоевропейское заимствованное происхождение названия железа для времени, по сути предшествующего даже бронзовому веку, каким было III тысячелетие до н. э. В эпоху, когда не было еще хозяйственного использования металлов вообще, не было необходимости в заимствовании названия железа, с добычей и применением которого познакомились едва только в I тыс. до н. э. Этот контраргумент действителен и против Мейе и его последователей, которые видели в слове **želězo* неиндоевропейское либо восточное заимствование.

Таким образом, толкование слав. **želězo* из хатт. *ḥapalki* можно оправдать лишь верой в примат древней ближневосточной культуры (в частности, металлургии), но эти мотивы не могут нам заменить лингвистической аргументации. Названная этимология не выдерживает проверки известными лингвистическими фактами, как впрочем, и данными местной (европейской) культурной ситуации. Слав. **želězo* и балт. **gel(e)ž-* элементарно не соответствуют фонетически хатт. *ḥapalki/ḥawalki* и не могут быть получены из него путем заимствования, ср. звонкое согласное начало в и.-е. диалектн. **ghel(e)ǵh-*, лежащем в основе славянского и балтийского слов, при начальном [ха-] в упомянутом малоазийском термине, не говоря уже о том, что, как выяснилось по вероятным параллелям заимствований из хаттского, префиксальное *ḥa-* при достоверных заимствованиях в другие языки не сохраняется.

Но имеются и другие веские возражения. Самым слабым местом этимологий, объясняющих слав. **želězo*, русск. *железо* как культурное заимствование из другого языка, является то, что авторы таких этимологий всякий раз забывают нам сказать, как же они в таком случае объясняют слово *железѧ*. А это упущение, характерное, кстати, для всех старых и новых сторонников заимствования названий железа², можно сказать, все решает: от правильной оценки слова *железѧ* зависит (как говорят немцы: *steht und fällt damit*) правильный вывод о происхождении названия

² Так, например, железой (в животном организме) совершенно не интересуется и Генри Лиминг, когда он предлагает нам свою особую этимологию слав. **želězo* из первоначального сложения **žel-ěz-*, где первый компонент **žel-* — цветообозначение, родственное **žiltъ*, желтый, а второй компонент **ěz-*, «если ž(ять) — дифтонгического происхождения» (мы пытаемся показать далее, что здесь имела место долгота — продление, не совместимая с дифтонгом), связан, по мнению Лиминга, с гот. *aiz* «бронза, медь» в том смысле, что слав. **ěz-* заимствовано из гот. *aiz* [53]. В целом все очень сомнительно, поскольку семантическая реконструкция **želězo* как «желтая медь» или «желтая руда» (Лиминг) противоречит всему, что известно о металле железо и способах его номинации. Железо — это не цветной, а «черный» металл, и металлургия железа — «черная» металлургия, и это нельзя игнорировать при этимологизации. Сам Г. Лиминг приводит примеры именно такой номинации железа — др.-инд. *śyātam āyas, kulāyasa, kṛṣṇāyas* «черный, темный, темно-синий металл», в отличие от ясного, блестящего, красного металла — меди, *lohitam āyas, lohīāyas*, в соответствии с толкованиями М. Мольер-Уильямса и О. Шрадера, но, к сожалению, Лиминг не заметил, что этот материал противоречит его собственной этимологии и реконструкции **želězo* как «желтая руда».

металла. Именно так, а не наоборот: этимологию слова *железо* надо начинать с этимологии слова *железѧ*. Лишь на этом пути возможен выход из тупиковой ситуации, в которую зашла этимологизация названия железа. Поскольку при этом убедительно демонстрируется случай, когда культурное слово (название хозяйственно важного металла) получается не через межъязыковое заимствование, а как бы «рекрутируется» из местной обиходной лексики, пример этот может, кажется, представить и общеметодологический, а не только узкоспециальный этимологический интерес.

Наша этимология строится, как это видно, на постулате родственной связи (исторического тождества) слов *железо* и *железѧ*, против которой не имеет смысла спорить. Древний, очевидный характер связи слав. **želězo*: **zel(e)za* виден из самобытного полного параллелизма этим отношениям в литов. *geležis* «железо»: *geležuonys, geležuones* мн. «железѧ (в теле)». Слово *железѧ* (в животном теле) среди русских словарей не нашло, кажется, самое лучшее и вышуклое толкование у Даля, бывшего, кстати, не только лексикографом, но и медиком: «к л у б о ч е к, зернистый снаряд, через который проходят сосуды для выработки каких-либо соков» (ясно, что этимолог предпочтет недостаточно характеризующему и вместе с тем неэкономному толкованию современного четырехтомного словаря русского языка: *железѧ* — «орган у человека и животных»... (следуют лингвистически менее релевантные научные сведения о секреции) — именно далевское толкование как более характерное). О заимствовании названия железы (животной) с Ближнего Востока не может быть речи, в то же время родство слов *железо* и *железѧ* (животная) совершенно очевидно. Оно имеет свои лингвистические и культурно-исторические основания, к рассмотрению которых мы переходим. Название металла *железо* производно на исконнославянской языковой почве от названия животной железы, а не наоборот. Об этом говорят все лингвистические данные, составляющие семасиологию, акцентологию и этимологию (образование) слова *железо*. Продуктом первичной номинации явилось значение «железѧ животного организма»; от этого термина и значения вторично мотивировано искомое нами значение «железо-металл». Чтобы понять, почему состоялась эта семантическая деривация, надо учитывать неоднократно упоминаемую нами выше архаическую культурную стадию добычи и обработки болотной железной руды, болотного железняка. Прийти к такому пониманию не всегда легко, даже историков культуры и археологов озадачивала ситуация, когда они сталкивались с наличием раннего железоделательного промысла при отсутствии следов горнорудного промысла, например, в раннесредневековой Польше.

Между значениями «металл железо» и «железѧ животная» не было непреодолимой пропасти, во всяком случае — в начальной стадии: образ клубочка, комочка (кстати, сюда же, но с другим суффиксом принадлежит слово *желвак*, что знал уже Даль) был использован для фигурального обозначения железа именно в том виде, в котором им впервые заинтересовались славяне (и не только они одни — на ранней стадии), — в виде болотного железняка. «По внешнему виду болотная руда представляет собой плотные тяжелые землистые комья красно-рыжего оттенка» [43, с. 125]. Кстати, в упоминавшейся нами книге [48], где собрана масса информации о добычании и металлургии метеоритного и земного ископаемого железа, ни словом не упоминается как раз культура болотного железняка, без чего просто невозможно понять древнюю европейскую (славянскую, балтийскую, германскую) лексику железа и ее истории, а без соблюдения этого условия, в свою очередь, несколько иной оказывается картина славянской языковой и этнической древности; она невольно подвергается искажению.

Принимая членение слова **žel-ězo*, где *-ěz-* — суффикс, а корень восходит к и.-е. **ghel-*, выступающему в разных названиях шишек, желваков, камешков, ср. сюда **žely* «черепашка», русск. *желвак* — с расширением *-ŷ-*, мы тем самым во всем существенном остаемся при своей давней этимологии, см. [54]. Разумеется, сейчас многое стало ясно (культурный аспект болотного железа), есть что добавить; так родился нынешний

новый этюд по номенклатуре железа. Тогда, давно, не была еще продумана связь с названием животной железы. Попутно заметим, что нет принципиальной разницы в обозначении желваков органических (животных) и неорганических. Прочая старая литература отражена у Фасмера (см. [55, с. 42—43]), где и сомнительное сближение с именем железоделателей тельхинов.

В плане наших изучений исключительно интересно темное до сих пор латинское название железа — *ferrum*. И здесь поиски, вероятно, следует продолжать не в направлении установления крайне сомнительного древнего заимствования (см. [56], с древнееврейскими, сирийскими и ассирийскими параллелями), а в плане реконструкции культурно-языковой ситуации, пережитой также другими индоевропейскими племенами Европы, — культуры болотного железа и его комковатой, сыпучей, земляной породы, в связи с чем наиболее вероятная реконструкция из возможных — *ferrum* < *fersom < *dhersom. Эта последняя праформа отнюдь не изолирована среди индоевропейского словарного состава и для нее могут быть указаны родственные формы и значения, весьма перспективные как для древней индоевропейской диалектологии, так и для культурно-исторической реконструкции, занимающей нас здесь. Так, лат. *ferrum* (*dhersom), по-видимому, этимологически родственно нем. *Druse* «verwittertes Erz» (откуда заимствован наш минералогический термин *дрюза* «группа кристаллов, сростшихся в основании») < герм. *drōs- < и.е. *dhrōs-/*dhrās-. Очень поучительно для нас здесь тесное родство этого минерального *Druse* и немецкого названия животной железы — *Drüse*, др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *druos*, ср.-н.-нем. *drōse drüse* (см. [57], где дается несколько отличная реконструкция герм. *prōs, а лат. *ferrum* не привлечено совсем). Между тем родство и.-е. *dher-s-om и *dhr-ōs- (с допустимыми вариациями огласовки корня и суффикса) довольно правдоподобно, и оно, к тому же, позволяет углубить дометаллическую семантику лат. *ferrum* «железо» в направлении, обследуемом нами на примере слав. *želězo: «конгломерат кристаллов; комочек», откуда тоже лексикализовалось побочно «железá» (*Druse: Drüse*), что определяется комочкообразным видом как соответствующей минеральной породы, так и соответствующего животного органа. Далее, сюда же, видимо, следует все-таки отнести такое название крупного песка, гравия, т. е. осадочных пород, как русск. *дресва́*, словен. *dřstev*, польск. *drzqstwo*, чеш. *drst* «мусор» — из праслав. *dresva/*drěsva (это слово, обескураживающее неустойчивостью своих вариантов, например, русск. диалектн. *зверста́*, *зверсть*, *зрества́*, *жерства́*, *жерста*, сербохорв. *звр̑ст*, было признано неясным у Фасмера, ср. и вторичные созвучия с явно звукоподражательными, в свою очередь, литов. *gai gđždas* «крупный песок, гравий», *žvii gždas* «то же»; по этим соображениям оно не было в свое время включено в Этимологический словарь славянских языков, что, впрочем, можно сейчас пересмотреть в пользу вывода о древности особого праслав. *dresva — не из и.-е. *der- «драть», а из и.-е. *dhre-s- в названиях осадка, осадочных пород, ср. [58: *dher-*, *dherð-*]). В итоге мы получаем немаловажную культурно-историческую изоглоссу (изолексу), связывающую германский, славянский и латинский на уровне индоевропейских диалектов: *dhrōs- (*Druse/Drüse*) «комочкообразная порода; животная железа» — *dhres- (*дресва*) «осадочная, крупнозернистая порода» — *dhersom (*ferrum* «железо» <) «комочкообразная порода». Это сближение приоткрывает средствами языкознания завесу над предысторией европейской черной металлургии, каковой для ряда индоевропейских племен древней Европы была эпоха болотного железяка в районах, где, видимо, были привычны и болота, и луговые пространства (можно при этом вспомнить нашу латинско-славянскую параллель *pal-ud-* ~ *pola voda).

Во всяком случае, не более предпочтительно, особенно в свете констатаций (выше), что железо (судя и по его разным старым обозначениям) — не «цветной» металл, спорное толкование Георгиева, который в свое время предполагал в лат. *ferrum* первоначальное цветообозначение *gh^vel-ro-m-«желтоватое» [59].

Собственно говоря, для наших целей (этимология слова *железо*) не так важен дальнейший словообразовательный анализ **žel-žz-o*), сколько отношение слов *железо* и *железá* и способы выражения мотивации одного из этих слов другим. Средствами выражения мотивации *железá* → → *железо* послужили (кроме семантической деривации, см. о ней выше) вокализм и акцентология. Оба слова скорее имитируют восточнославянское полногласие, причем *железá* и его соответствия — в большей степени (церк.-слав. *жѣлза* «*glandula*», русск. диалектн. *залозá, золóза*, укр. *залóза*, белорусск. *залозá*, чеш. *žláza*, словц. *žlaza*, болг. *жлезá*, сербохорв. *žlijèzda*, словен. *žléza*; в стороне остаются редукционные варианты — польск. *zólza*, в.-луж., н.-луж. *žalza*, укладывающиеся в характеристику исходной краткости, см. ниже), чем продолжения праслав. **želēzo*, где «полногласие» представлено повсюду. Но важно другое: слово *железа* последовательно обнаруживает более архаичный — к р а т к и й в о к а л и з м к о р н я, т. е. праслав. **žel(ě)zā*, с закономерным старым окончательным ударением в русск. *железá*, ср. сербохорв. *žlijèzda* [60], с правильным переносом ударения с краткого или циркумфлектированного (вин. пад. *жѣлзу*), слога на акутовый (исконно долгий слог окончания). В слове *железо* мы видим постоянное ударение на корне, совпадающее с долгой гласной (**želēzo*), что можно трактовать как акутовую долготу — продление в п р о и з в о д н о м слове. Отношения **želēzo* < **žel(e)za* напоминают при этом известный пример *ворóна* (акутовая долгота в производном **vōrnā*) ← *vóron* (циркумфлекс **vořnъ*), при имеющихся отличиях в деталях (в *ворона*: *ворон* представлена чистая формула *tort*). Важно главное: долгота *ě* в **želēzo* инновационна (об этом догадывались и раньше, это видно и по вокализму балтийских соответствий), эта долгота носит характер деривационного продления *e* → *ě* (на этот счет ясность отсутствовала, как и насчет родства *железо*: *железá*). Дифтонгическое происхождение *ě* в **želēzo* исключается. Балтийские формы представляют последовательно краткий вокализм корня — в вариантах **gelž-* и **gelež-*. Весьма любопытно, что отношения между «железой» и «железом» выражены в балтийском совсем не так, как в славянском, а весьма своеобразно: на производную суффиксальную форму **geležōn-* (литов. *gēležuonys, geležūnės*) перенесено непроизводное (исходное) значение «железа, желвак», а за непроизводной, исходной формой **gel(e)ž-* (литов. *gēležis*, диалектн. *gelžis*) закреплено производное, инновационное значение «железо», т. е. в духе нередко встречаемой нами в старых производных автономии (разнонаправленности, анизоморфизма) деривации словообразовательной и деривации семантической.

Концентричность культурных и языковых ареалов в Центральной Европе

Не вдаваясь здесь в обсуждение большого круга вопросов, связанных с известной новой гипотезой о ближневосточной прародине индоевропейцев, все же считаем очевидным, что в основе ее лежит серия преувеличений вроде только что разобранных нами критически в случае с железом, который при более детальном лингвистическом анализе, напротив, заставляет нас вернуться в древнюю индоевропейскую Европу, жившую и развивавшуюся в своих самобытных условиях.

Таким образом, ни Восток (вопреки Гимбутас), ни Средиземноморье (с этим как будто согласны все), ни Север Европы (древний климат!) не подходили для обитания древних индоевропейских племен. Так называемая Западная Европа была освоена индоевропейцами тоже вторично, причем отчасти — уже на глазах письменной истории (Британские острова — сначала кельтами, потом германцами, не считая других завоевателей). Остается — Центральная Европа. Напомним, что на ней же мы остановились и в поисках ареала древнейших славян. Мы возвращаемся, таким образом, к идее концентричности древнейшего славянского и индоевропейского ареалов — идее, которая не раз уже возникала в этой продол-

жающейся серии и которая, кажется, наиболее адекватно соотносится с лингвистической аргументацией (например, с проблемой кентум—сатэм, которую, вероятно, имеет смысл решать в понимании центрального положения наиболее продвинутого — сатэмного состояния, а не периферийного — юговосточноевропейского генезиса языков-сатэм, как до сих пор еще представляют дело некоторые авторы, например, [61, с. 411], и, разумеется, не игнорируя эту проблему вообще, как считают иногда возможным делать другие).

Однако при этом важно видеть не одно лишь обострение споров и умножение проблем, но и перспективы сближений и общих решений, разумные выходы из трудных ситуаций, созданных более слабыми или проблематичными сторонами концепций. Так, Т. Лер-Сплавиному, М. Рудницкому (и всей польской автохтонической школе), а также между прочим, нашим А. А. Шахматову и А. И. Соболевскому славяне выделялись с древнейших (догерманских) времен на Балтийском море. Сейчас языковедение способно противопоставить этим воззрениям ряд аргументов. О вторичном освоении Висло-Одерского бассейна с юга на север говорит наличие здесь ряда индоевропейских гидронимов без четкой славянской языковой характеристики, с чем, в сущности, согласны и польские автохтонисты, во всяком случае — некоторые из них (например, Роспонд). Выдвигается тем самым тезис о том, что славяне здесь не первые индоевропейцы (см. об этом также выше). В связи с этим может представить интерес один культурно-языковой ареал, полученный на основе синтеза согласных свидетельств археологии, письменной истории и языковедения. Ареал этот также простирается на более древнем Юге, в основном не захватывая Висло-Одерский бассейн. Он касается типов жилищ и их номенклатуры. Вопрос этот заслуживает внимания, поскольку типы жилищ обычно стойко сохраняют свою традиционность и могут служить весьма характерными отличиями этноса. Например, традиционное праславянское жилище — прямоугольная (полу)землянка с печью в углу наглядным образом отличает также восточных славян на Верхнем Днепре от соседних балтов с их столбовыми наземными жилищами (ср. [62]). Соответствующий пример почерпнут из 12-го выпуска Этимологического словаря славянских языков, где под реконструированной праславянской формой **kōtja* объединено характерное название дома или помещения с печью, прослеживаемое в языках южных и отчасти восточных славян, ср. прежде всего болг. *къща*, сербохорв. *кућа* и др. Этимологически и словообразовательно праслав. **kōtja* интерпретируется как первоначальное прилагательное женского рода, производное с суф. *-j-* от **kōtъ* («внутренний угол»; допустимо думать, что это прилагательное было устойчиво согласовано с словом **pektъ* «печь», т. е. **kōtja pektъ* значило «угловая печь, печь в углу». В связи с широко представленным значением отдельных славянских продолжений **kōtja* — «дом» и «помещение с печью» можно реконструировать более раннее (промежуточное) значение: «прямоугольное помещение с печью в углу» (известные нам особенности происхождения, состава и семантики слова **kōtja* не могли относиться, например, к жилищу овальной или круглой формы). Древний ареал слова **kōtja*, практически неизвестного западным славянам, близко соответствует археологически устанавливаемому ареалу прямоугольных землянок с очагом или печью в углу, типичному жилью древних славян, который, в свою очередь, накладывается на область примерного распространения склавен = славян по Иордану (VI в.): от Среднего Подунавья до Днестра и на север до Вислы. Ни типичное жилище древних славян, ни соответствующее ему название практически не представлены на позднейшей западнославянской (по Иордану — венедской) территории на Одере и Висле. Славяне, к этому времени, по-видимому, освоившие также и этот регион, приспособивались к новым видам жилищ, как приспособились они вторично и к бывшей здесь до них индоевропейской гидронимии и прочим новым условиям. Это еще один довод в пользу вторичной славянизации данного пространства на Севере, которое польским ученым-автохтонистам видится, наоборот, как извечная праславянская родина на Одере и Висле.

К сожалению, в основном повторение на удивление старых истин мы находим в новой, адресованной широкому читателю и, надо сказать, роскошно изданной книге компетентного чехословацкого археолога Зденека Вани — «Мир древних славян» [63], где встречаем на каждом шагу утверждения, с которыми полемизируем на страницах «Вопросов языкознания», а именно — что «до этногенеза славян дело дошло гораздо позднее, чем у кельтов и германцев», что их этногенез протекал «в отдаленных окраинах Восточной Европы», что славяне выделились из первоначального индоевропейского единства (?) последними и поэтому они — «самая молодая» индоевропейская ветвь. З. Ваня примыкает также к висло-одерской теории прародины славян в общем — без новых аргументов, потому что утверждение о «чисто славянских названиях» между Одером и Вислой не является ни новым, ни верным (полным) аргументом. Говоря о пражском типе славянской керамики, «находки которого покрывают южную часть нынешней Польши и ГДР и всю чехословацкую территорию с ответвлениями в австрийское Подунавье», автор делает вывод: «Из этого только южную часть Польши и, может быть, восточную оконечность Словакии можно относить к первоначальному исходному ареалу славян; заселение остальной территории — это уже следствие славянской экспансии» [63, с. 22]. Однако «пражская» керамика в Подунавье — не изолированный феномен, она территориально согласуется с распространением типично славянских прямоугольных земляных жилищ с печью в углу и с распространением склавен по Иордану (на север до Вислы!). Совокупность этих явлений не получила объяснения в книге З. Вани. Факт позднего появления единообразной пражской (пражско-корчакской) керамики у славян — в VI в. н. э. — автор толкует очень упрощенно, видя в этом доказательство поздней датировки славянского этногенеза — IV—V вв., гуннское время! Он забывает при этом, что наука давно располагает фактами славяно-иранских и славяно-кельтских языковых отношений, которые нельзя датировать позднее середины — второй половины I тыс. до н. э. Славянский этнос и язык тогда уже достоверно существовали. В широком распространении славянской керамики единообразного пражского типа в VI в. н. э. надо видеть только то, что есть, — распространение популярной моды в подходящих условиях, но уж, конечно, не символ завершения этногенеза славян. Некоторые высказывают мнение, что пражская культура VI в. н. э. — это свидетельство вторичного возрождения славянского единства [64], но и здесь содержится сильное преувеличение и, в конечном счете, неточность.

Во всяком случае именно в Подунавье и чешских землях древние славяне смешивались не только с более поздними германцами, но и с более древним неславянским темноволосым населением, видимо, кельтского происхождения, как это выявляют чехословацкие археологи в Средней Чехии (Podřipsko). И, хотя интерпретации все еще расходятся, лингвистическое исследование уже считается с фактом наличия относительно более развитой ранней металлургической терминологии именно в славянских языках дунайского ареала, например, в чешском, с соответствиями в кельтском и латинском (см. [65]).

Однако мне не хотелось бы быть понятым только в том смысле, что меня единственно заботит полное одоление висло-одерской концепции прародины славян. Продолжая считать ее крайней концепцией, я все же думаю, что отметить начисто точку зрения оппонентов было бы и в данном вопросе едва ли плодотворно и полезно для науки. Поэтому целесообразно внимательно присмотреться к тому, что не только не вызывает противоречий, но и может быть плодотворно развито: это ю ж н ы й ф л а н г в и с л о - о д е р с к о г о а р е а л а, который приблизительно совпадает с северной периферией среднедунайского славянского ареала по нашей концепции. Уже на киевском съезде славистов в 1983 году в дискуссии было высказано мнение, что наиболее проблематичен — в понимании сторонников висло-одерской теории — как раз южный фланг этого ареала, т. е. он как бы открыт и допускает ту или иную коррекцию. Надеюсь, я не очень удивлю читателя, если предложу одну такую кардинальную

коррекцию в духе всего того, что уже высказано мной в нынешней серии по этногенезу, а также в итоге длительного изучения трудов польской автохтонистской школы: примирение висло-одерской и дунайской теорий древнейшего славянского ареала возможно, если гипотетический висло-одерский праславянский ареал как бы «осадить» по широтной шкале к Югу, не меняя его меридиональных параметров, которые у него фактически оказываются близкими к аналогичным параметрам дунайского ареала славян, разрабатываемого выше. Современная висло-одерская концепция, как она есть, фиксирует, скорее всего, не извечную прародину славян, а их раннюю северную миграцию в духе уже рассмотренной нами традиции общеевропейской подвижки Север ↔ Юг. Не следует особенно настаивать (как это делают отдельные сторонники висло-одерской теории) на том, что висло-одерская локализация праславян якобы продиктована ранними германо-славянскими связями. И эти, и другие контакты логично мыслить также на более южных широтах. Особенно же это относится к кельтам, которые далеко на север не проникали. Кельтско-славянские контакты предполагала и висло-одерская теория (Лер-Сплавинский), но это оставалось слабым местом данной концепции, по которой эти контакты в географическом отношении как бы повисали в воздухе, а довольствоваться их локализацией лишь в Южной Польше, периферийной для кельтской экспансии (ср. и «Повесть временных лет» о волохах), недостаточно.

Продолжается, разумеется, диалог и с другими концепциями древнего славянского ареала, например, с предкарпатской теорией Удольфа, который в новых своих выступлениях (см. [66]) выдвигает попытки исторического объяснения единообразия исходного ономастического ландшафта и славянской преемственности в нем. Однако археологи, например, на основании данных о влиянии позднезарубинецких, черняховских и собственно славянских древностей VI—VII вв. говорят «о заселении Северо-Восточных Карпат на протяжении I тыс. н. э. выходцами из восточнославянских земель» [67], что тоже скорее свидетельствует против теории Удольфа.

Из загадок на будущее

Прежде чем отложить перо, хотелось бы поделиться кое-чем из области догадок. Трудный путь к воссозданию этнолингвистической картины древнего славянства складывается, как это легко понять, далеко не из одних твердых находок и обобщений достигнутого, но из вереницы догадок, которыми обрастают любые поиски во времени и пространстве; они тревожат и смущают исследователя, а порой даже кажутся незрелыми и зыбкими. Но пройти мимо не задумываясь, быть может, равносильно добровольному отказу от разгадки новой тайны, новой информации не только и не столько о прародине, но и о масштабах мысленной ойкумены древних и древнейших славян, о которой прежде и не подозревали, как о том проблеске возможной синонимичности древнеиндийского названия Молочного моря «Северного Ледовитого океана» (*Kṣīra-samudra-*, *Kṣīradhi-*, *Kṣīr(amah)ārṇava-*, *Kṣīravāri*, *Kṣīrasāgara-*, *Kṣīrasindhū-*, *Kṣīrābdhi*, *Kṣīrāmbudhi* [см. 68—70]) и названия *Amalchius Oceanus* «mare congelatum, замерзшее море» в «Естественной истории» Плиния (Plin. NH IV, 95). Плиний, опираясь в своих сведениях на греческую традицию и записи, не дает ясного представления о локализации и идентификации, и отождествление *Amalchius Oceanus* = *Morimarusa* (см. [71]; относительно второго названия и его принадлежности мы неоднократно писали в предыдущих частях нашей серии) может вызвать сомнения в свете других данных. Не отражено ли в форме *Amalchius* искаженное в греческой передаче праслав. **melčъ*, **melčьnъ* или даже предпраславянское **mālkijā*—«м о л о ч н ы й»? (близкое название молока известно еще в германском и тохарском, но словообразовательная модель прилагательного с суфф. -j- все-таки, скорее всего сла-

вянская ³. Значит ли это, что славяне древности знали самый северный океан планеты или до них по крайней мере доходили глухие предания о нем? Кому они обязаны этим знанием и какую роль играла при этом древнеиндийская традиция (в которой удивительно много сведений о Крайнем Севере и М о л о ч н о м море «Северном Ледовитом океане» [72])?

ЛИТЕРАТУРА

42. *Birkhan H.* Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit. Der Aussagewert von Wörtern und Sachen für die frühesten keltisch-germanischen Kulturbeziehungen. Wien, 1970, S. 141, примеч. 141.
43. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
44. *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Hf. 16. Bautzen (в печати).
45. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1957, S. 272—273.
46. *Kilian L.* Zum Ursprung der Indogermanen. Forschungen aus Linguistik, Prähistorie und Anthropologie. Bonn, 1983, S. 34.
47. *Scherer A.* — In: die Urheimat der Indogermanen. Hrsg. von Scherer A. Darmstadt, 1968, S. 296.
48. *Иванов Вяч. Вс.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
49. *Bukowski Z.* Celtowie. — In: Mały słownik kultury dawnych Słowian. Pod red. Lesiejewicza L. Warszawa, 1972, S. 62.
50. *Mareš F. V.* Die Metalle bei den alten Slaven im Lichte des Wortschatzes. — RS, 1977, t. XXXVIII, cz. 1, S. 31 и сл.
51. *Трубачев О. Н.* Серебро. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.
52. *Mallory J. P., Huld M. E.* Proto-Indo-European «Silver». — KZ, 1984, 97.
53. *Leeming H.* A Slavonic metal-name. — RS, 1978, t. XXXIX, cz. 1, s. 7 и сл.
54. *Трубачев О. Н.* Славянские этимологии 1—7. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. II. М., 1957, с. 29 и сл.
55. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.
56. *Walde A. — Hofm J. B.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Hrsg. von Hofmann J. B. 4. Aufl. Bd. 1, Heidelberg, 1965, S. 485—486.
57. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20. Aufl. Berlin, 1967, S. 145.
58. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern-München, 1959, S. 251.
59. *Georgiev V.* Lat. ferrum, griech. χαλκός, abg. želězo und Verwandtes. — KZ, 1936, LXIII, S. 250 и сл.
60. *Kiparsky V.* Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, S. 205.
61. *Schmid W. P.* Griechenland und Alteuropa im Blickfeld des Sprachhistorikers. Θεσσαλονίκη, 1983 (отд. отт.), с. 411.
62. *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л., 1982, с. 89.
63. *Váňa Z.* Svět dávnych Slovanů. Artia, Praha, 1983.
64. *Пивторак Г. П.* Праслов'янська епоха у світлі сучасних наукових даних. — Мовознавство 1982, № 2, с. 41.
65. *Němec I.* Neistarsí české kovářské termíny. — Listy filologické, 1984, 107, s. 167 и сл.
66. *Udolph J.* Kritisches und Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässernamen für die Ethnogenese der Slaven. — In: XV. Internationaler Kongreß für Namenforschung. Resümees der Vorträge und Mitteilungen. Leipzig, 1984, S. 197.
67. *Балагури Э. А.* Этно-культурная карта Северо-Восточных Карпат на рубеже нашей эры. — In: Rapports du IIIe Congrès International d'archéologie slave. Т. 2. Bratislava, 1980, s. 39.
68. *Böhtlingk O.* Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Т. II. St. Petersburg, 1881, S. 127.
69. *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary. New ed. Oxford, 1964, p. 329, 330.
70. *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М., 1968, с. 182.
71. *Kowalewicz H.* Amalchijskie Morze. — In: Słownik starożytności słowiańskich. I, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, s. 21.
72. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1983, passim.

³ Ср. и ту сложную семантическую связь, которая установлена при этом, с одной стороны, с названием м о л о к а — праслав. **melko* и, с другой стороны, с названием з а м е р з а ю щ е г о в о д о е м а, ср. сербохорв. *mlаkа* «лука, которая замерзает зимой» (см. [55, с. 645—646]).